

туры. При этом в монографии отмечается и некоторое влияние на изобразительное творчество населения берегов Томи южных степных народов, уже перешедших к земледелию и скотоводству.

Рассмотрение писаниц с точки зрения их культурно-исторического места в древней истории Сибири (глава V) приводит исследователей к заключению, что Томские скалы с петроглифами стояли «на границе двух больших культурно-исторических зон, на перекрестке лесов и степей; они были как бы форпостами культуры лесных обитателей Сибири» (стр. 244). Отмечая специфику и неповторимый облик рисунков, авторы в то же время высказывают предположение, что они были оставлены группой племен, входивших в большую угорскую общность — предков маньси — вогулов или хантов — остяков.

Несомненно, одно только знакомство с Томскими писаницами, этим уникальным памятником древней сибирской культуры, может представлять значительный интерес. Но в монографии детально и всесторонне проанализированы наскальные рисунки в связи с другими памятниками в общем контексте древней художественной культуры. Прослеживаются общие закономерности в развитии древнейшего искусства и тем самым читателю открывается путь в многообразный и сложный мир представлений, эмоциональных переживаний и чувств, ценностных ориентаций древних людей, мир, не застывший, а находящийся в движении, развитии. Несомненно, монография «Сокровища Томских писаниц» заинтересует не только археологов. Ценные наблюдения и мысли, общий масштаб затронутых проблем, значимость выводов делают книгу весомым вкладом в изучение ранних форм становления и развития духовной культуры и искусства. Она несомненно привлечет внимание специалистов в разных областях знания, объединенных общей задачей изучения природы и законов развития древней культуры и художественной деятельности.

В. В. Селиванов

Древности Московского Кремля. М., 1971, 291 стр., илл.

Москва — один из наиболее изученных в археологическом отношении древнерусских городов. Свидетельство этому — рассматриваемый сборник, статьи которого освещают многие стороны истории русской культуры: домостроительство, ремесло, прикладное искусство, социальную топографию и т. д.

В самой большой по объему статье сборника «Культурный слой центральных районов Москвы» (стр. 5—115), написанной М. Г. Рабиновичем, определяется время существования 30 построек, распределенных по трем основным хронологическим этапам — XI — XIV, XIV — XVII, XVII — XX вв. Признавая важность этих наблюдений, мы, однако, отдаем предпочтение датировке отдельных сооружений Москвы, ибо этапы развития материальной культуры в различных районах Москвы не одинаковы, а закономерности возникновения разновременных горизонтов, содержащих дома, усадьбы и т. д., не объяснены историей города.

О владельце усадьбы 21 М. Г. Рабинович сообщает на стр. 65: он был «кричником, ювелиром и литейщиком». Подобное совмещение специальностей в XV в. представляется нереальным.

Керамика, обнаруженная в московских постройках, описана и классифицирована М. Г. Рабиновичем тщательно, разносторонне и превращена в надежную опору для датировки построек и культурного слоя. Однако, рассматривая белую керамику, следовало бы рассказать о ее бытовании не только в древней Руси, но и в других странах средневековой Европы, например, в Польше, Молдове и Валахии (стр. 104).

Работа М. Г. Рабиновича, не лишенная спорных мест, но содержащая систематизированные данные о стратиграфии древней Москвы, полезна не только историкам культуры. Она поможет будущим исследователям истории Москвы датировать вновь открытые сооружения и предметы.

В статье Н. С. Шеляпиной «Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963—1965 гг.» уточнены размеры площади, которую занимала домонгольская Москва (стр. 126).

Статья Д. А. Беленькой «Археологические наблюдения в Успенском соборе в 1966 г.» знакомит нас с довольно убедительной гипотезой о создании уже во второй половине XII в. в Кремле Успенского деревянного собора.

В сборник включена также статья крупного палеозолога В. И. Цалкина «Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы», написанная на основании анализа костей 4,5 тыс. особей млекопитающих. В. И. Цалкин сделал остеологический материал чутким индикатором социальной топографии Москвы, показав, что роль охоты в хозяйстве рядовых москвичей, обитавших на посаде города, была ничтожной; у обитателей Кремля роль этого промысла возростала, что отражает их феодальные охотничьи привилегии. Обращаясь к характеристике роли скотоводства в Московской Руси, В. И. Цалкин пришел к убедительному выводу, что в северных и центральных районах Московской Руси основным рабочим животным была лошадь, а не вол.

Статья Е. А. Цепкина «Остатки рыб из раскопок древнего Кремля и Зарядья» дополняет данные, имеющиеся в предшествующей работе В. И. Цалкина, об источниках пищи у древних москвичей. Автор установил факт количественного преобладания в рыбной пище наиболее ценных осетровых пород (стр. 191). Наблюдения Е. А. Цалкина получили бы более глубокий смысл, если бы были сделаны сопоставления со сведениями о рыболовстве в других центрах древней Руси.

Работа А. Г. Векслера «Палаты Натальи Кирилловны в Московском Кремле» представляет собой опыт воссоздания по документам 1713 и 1722 гг., чертежам 1751 г. и археологическим данным облика не сохранившихся палат царицы Натальи Кирилловны. В этом здании, не запечатленном ни в одном старом рисунке, прошло детство Петра I до 1682 г. Автор статьи вместе с архитекторами С. С. Кравченко и И. В. Ильенко графически реконструировал восточный фасад палат — оригинального высокохудожественного произведения русского зодчества. Остроумно определены площади комнат Петра и Натальи Кирилловны по размерам сукон, устилавших в них пол. Размеры эти известны из архивных документов. К сожалению, в работе не сделан анализ художественного стиля реконструированных сооружений.

Исследование Г. П. Латышевой «Торговые связи Москвы XII—XIV вв.» построено на материалах раскопок Кремля 1959—60 гг. В этой работе характеризуются некоторые отрасли экономики Москвы того времени. Установлено, что часть стеклянных браслетов, бокалов и кубков XI—XIII вв. привезена в Москву из Киева для нужд феодальных верхов города (стр. 216). Из Киева же привозили зеленые поливные миски и кувшины, из Овруча — шиферные пряслица. Автор приходит к важному выводу, что связи между Киевом и Москвой, установленные в конце XI — начале XII вв., были систематическими и прочными. В начале XII — первой половине XIII вв. владельцами обитателям Кремля из Крыма доставляли в амфорах вино и оливковое масло. Свидетельством торговых связей Москвы с Закавказьем является гребень второй половины XIII в., сделанный из самшита (стр. 211). Непонятно, однако, на чем основывается автор, полагая, что в Москву привозили не готовые гребни, а сырье — древесину? Кроме того, правильно указывая, что до нашествия татаро-монголов доминировали торговые связи Москвы с Югом, автор не аргументирует своего утверждения, что «большинство товаров (в частности, хорезмийские и золотоордынские поливные чаши — Э. Р.) попадало в Москву по Волжскому торговому пути»... (стр. 221).

Автор показывает, что Москва торговала и с Западной Европой, откуда привозили изделия из стекла и сукна; с Прибалтикой — поставщиком янтарных изделий. Вопреки мнению Г. П. Латышевой, эти товары попадали в Москву не только по водным (стр. 221), но и по сухопутным дорогам, например, по тракту Москва — Тверь — Новгород.

Слабо подкреплено доказательствами положение о начале со второй половины XII в. нового этапа в развитии московской торговли (стр. 221). Заслуживает, однако, большого внимания мысль Г. П. Латышевой о том, что Москва в это время становится посредницей в торговле Византии и ряда городов Древней Руси с подмосковной деревней, но вряд ли купленные в Москве византийские ткани, парчевые ленты и серебряные височные колыда киевско-черниговского типа могли принадлежать, как это утверждает автор, богатой крестьянке. Скорее обладательницей этих вещей была обитавшая в селе представительница господствующего класса (стр. 222).

А. Л. Якобсон в статье «Художественные связи Московской Руси с Закавказьем и Ближним Востоком в XV в.» рассказывает о влиянии на московское искусство декоративного творчества мастеров Армении, Грузии и Азербайджана. Автор приходит к такому выводу, прежде всего, в результате анализа стиля резных деревянных царских врат Боровского и Кирилло-Белозерского монастырей. Автор показал далее, что русские, как и закавказские, резчики стремились создать контраст ажурной и плоской резьбы, игру света и тени, воспроизводя ближневосточные орнаментальные мотивы из вьющихся спирально тонких стеблей с «глазком» в центре, возникшие в античную эпоху. Но ближневосточные образцы на Руси были переработаны и утратили связь с первоисточником, превратившись в геометризованное узорочье.

Автор удачно очертил тот стилистически единый круг архитектурного и ювелирного декора, в котором распространилась в XVI в. вышеописанная орнаментика. Этот стиль, как предполагает А. Л. Якобсон, проявился, прежде всего, в произведениях, созданных в художественной мастерской Оружейной палаты Кремля. Сомнительно, однако, отнесение (как это делает автор статьи) к упомянутой орнаментике фресковой росписи 1508 г. Благовещенского собора Кремля (рис. 10) и инкрустированного узора нижнего орнаментального пояса шлема Ивана Грозного (рис. 11), ибо в орнаментации этих двух объектов нет мотива «вьющихся спирально стеблей с ответвлениями». По своему построению и рисунку они также отличаются от стиля остальных рассмотренных произведений.

А. Л. Якобсон считает, что знакомство с ближневосточной орнаментикой могло произойти во время поездок русских мастеров в Закавказье. Их вдохновляли и те произведения, которые оттуда попадали в Москву, а также сделанные мастерами зарисовки закавказских произведений искусства. К сожалению, статья мало знакомит читателя с образцами закавказской орнаментики, послужившими, по мнению автора, прототипами русским мастерам: от этого несколько снижается убедительность выводов.

В целом, А. Л. Якобсон нарисовал яркую достоверную картину русско-закавказских художественных связей XVI в. К сожалению, в этой статье не убеждает читателя трактовка трех панагиаров из Румынии. Автор полагает, что стилистическое сходство румынских и московских панагиаров свидетельствует о московском происхождении первых, хотя отдельные их части, судя по отчетливо отличающейся орнаментике, сделаны в Румынии. Скорее всего,— пишет А. Л. Якобсон (стр. 237),— все три панагиара попали из Москвы в Румынию и Молдову и там были отчасти переделаны румынскими мастерами. Не соглашаясь с автором, напомним об активной деятельности армянских кушцов и ремесленников в Молдавском княжестве в XIV—XVIII вв.¹ Эти люди распространяли в Молдове вместе с ювелирными изделиями закавказские художественные вкусы. Поэтому сходство московских и румынских панагиаров, видимо, возникло благодаря подражанию ювелиров единому закавказскому образцу художественного стиля.

В работе Р. Л. Розенфельда «Инструменты московских ремесленников» содержится тщательная характеристика и подробная классификация орудий труда плотников, столяров, токарей, слесарей, сапожников, портных, оружейников, кузнецов, металлургов, литейщиков и каменотесов. Досадно, что автор, характеризуя инструментарий, не обратился к данным естественных наук, в особенности — металлографии, благодаря которым стало бы известно внутреннее строение и технология производства металлических орудий труда.

Статья А. В. Никитина «К характеристике материалов раскопок в Дмитрове (1933—1934)» анализирует материал, полученный Н. П. Милоновым². Автор статьи убедительно показал, что низкий уровень фиксации раскопанных объектов снижает научную значимость интересных и ценных произведений древней культуры.

Рассмотренный выше сборник, несмотря на некоторые недочеты, обогащает и расширяет конкретные представления о древней Москве, в особенности Кремле, и является ценным вкладом в разработку истории столицы нашей Родины.

Э. А. Рикман

¹ Н. А. Мохов, Молдавия эпохи феодализма, Кишинев, 1967, стр. 130, 131.

² Н. П. Милонов, Дмитровское городище, «Сов. археология», 1937, VI.

Русский фольклор в Латвии. Песни, обряды и детский фольклор. Составитель И. Д. Фридрих. Рига, 1972, 484 стр.

В рецензируемый сборник включены материалы, собранные как самим составителем (1920-е, 30-е и 60-е гг.), так и другими лицами: сотрудниками Института языка и литературы Академии наук Латвийской ССР (1947—1948 гг.), студентами кафедры русской литературы Латвийского государственного университета им. П. Стучки (1958, 1961, 1962, 1966 гг.) и студентами Даугавпилского пединститута (1963, 1964, 1965 гг.).

Опубликованные в сборнике материалы были собраны на территории Латгалии, т. е. в Восточной Латвии — месте сосредоточения русского старожильского населения. Кроме того, отдельные записи сделаны в Риге, в кварталах так называемого Московского форштата и Красной Двины, а также в Курземе (окрестности Илуксте и Талси) и, наконец, в Видземе (окрестности Педедзе).

Материалы сборника отражают этническую историю Латгалии, определившую своеобразие фольклора и обрядов ее населения.

В общем потоке заселения Латгалии исследователи различают несколько крупных волн русских переселений. Каждая такая волна приносила с собой свои общественные и семейные традиции, обычаи и фольклор, сложившиеся в тех местах, откуда шла миграция. В новом месте эта культура попадала в окружение иных культурных традиций. В результате такого контакта происходило как взаимодействие различных культур, так и консервация отдельных традиций, объясняемая воздействием национальных, религиозных и отчасти политических традиций. Представленные в рецензируемом труде материалы широко документируют обе линии этого исторического процесса.

Книга открывается предисловием автора-составителя. В нем даны основные сведения о русском старожильском населении Латвии, общая характеристика своеобразия местного русского фольклора и различных обрядов, а также намечена приблизительная схема распространения русских фольклорных традиций. Анализируя изменения, происходящие в бытовании фольклора начиная с 20-х годов, И. Д. Фридрих называет наиболее распространенные жанры, определяет среду, где эти жанры бытовали, приводит имена талантливых исполнителей. Он отмечает причины, пагубно влияющие на сохранение традиционного фольклора. Заключает предисловие краткая справка об истории собирания фольклора русского старожильского населения Латвии. Автор выделяет в ней два периода.

Первый период начинается в 20-е и заканчивается в середине 50-х годов нашего столетия. Это время деятельности любителей-энтузиастов, собиравших фольклор по